

Романчук Пётр Иосифович

Родился я 31 января 1917г., в деревне Нехорошево, в настоящий момент Кулёво. В 1928г. приехал землемер и начал нарезать землю. У нас семья была 16 человек, нарезали хутор, куда выехали зять наш, один знакомый и наш брат. Стало 4 дома. Это было в Межениновке в 3-х км от Кулёво. Родители мои приезжие, в 1900-1901г, когда узнали, что здесь землю дают они сюда и приехали. В 1930г началась коллективизация, у нас семья большая, работники хорошие. Записались в колхоз, года два поработали, лошадям шишки понабили и в течении двух лет ни сбруи не осталось, ничего и лошади калеки. Мы с братом Альфонсом решили уехать в город учиться. В деревне я проучился 2 года и закончил 4 класса. Брат учился, был заведующим хозяйством в пединституте, а я учился на вечерних курсах, работал на сушильном заводе.

В 1936г. пришли ночью, нас забрали и в коридоре сразу постригли. Это было 20 апреля. Приходил или Носов или Журавлёв где-то часа в два, трясли нас, но ведь ничего у нас не было. Привезли, в центральный ход завели, по подземному переходу во второе здание вошли. Тут был душ где-то в последнем здании и по этому коридору водили в душ. Я сидел здесь 6 месяцев, нас водили в душ, ответвлений от коридора никаких не было. Коридор был широкий, метра два и высокий.

Я сидел в 21 камере. Здесь были стены деревянные, на них ничего не было. Окна зарешечены, ничего видно не было, только немного света. На прогулку не водили. Была деревянная параша, большая, высокая, ведра на два. Есть приносили прямо в камеру в алюминиевых мисках. Умывались тут же в камере. Топчанов в камере было четыре: два с одной стороны два с другой стороны, посередине был проход около метра. Стены были побелены, лампочка зарешечена. В камере со мной сидели: Бражников, украинец, он в I мировую с немцами воевал, попал в плен, где пробыл 3 года. Поехал через Польшу на Украину, в Польше нашёл женщину, женился, работал на пивзаводе, до 30-го года жил с ней. Потом опять решил ехать на Украину, только до границы доехал, и сразу его в Томск повезли. С братом мы были в разных камерах.

Со мной в камере священники не сидели, я знаю только Любецкого, сторожем всё время был, какой-то Вершинин, который с японцами где-то там хотел перебежать, его посадили. Потом Парфёнов был, крестьянский сын. Пять человек нас сидело, потом шесть. Я самый молоденький, спал под нарами. Мать передавала передачу, её приносили.

По этому делу арестовали 35 человек, какую-то организацию придумали, хотели свергнуть Советскую власть. Из 35 человек были и поляки и русские, но в основном поляки: Дубинский, Ангудович, Литвины. Допустим Тотыжевых взяли: двух сыновей, Самого Тотыжу и дочку. Сыну и Пушкину как руководителям дали высшую меру наказания, но сделали по 10 лет. Тотыжи, трое не вернулись совсем, а дочь отбыла 5 лет и вернулась. Из нашей семьи всех 5 братьев арестовали, у старшего брата жену арестовали и нашего отца тоже арестовали. Месяц меня не трогали, затем ночью вызвали на допрос. Я говорю, что ничего не знаю, а они мне говорят, что я состоял в партии, власть Советскую хотел свергнуть. Мне было 18 лет. Меня допрашивал Носов, а ещё один, их там группа была НКВДешников. Я знал, что существует только милиция, и не знал, что существует НКВД. Он меня почти до утра держал, в два часа опять вызвал. Грозил, нога на столе, глаза такие как сделает – смотреть страшно, глазами съедал. Заставлял говорить, что состою в партии, говорил кличку назвать. Когда начал подписывать, пишу «Виновным себя не признаю», он как схватил лист. Я ничего не подписал. Суд был в этом же здании наверху, там был зал. Суд был закрытый, заводили со двора, многих привозили прямо с тюрьмы. Я тоже был в тюрьме на ул. Пушкина 48. Дней 6 или 8 судили, суд пройдёт нас построят, на машину и по камерам. Я на суде сказал, что виновным себя не считаю, я ещё тогда таким активным был, но комсомольцем не был. Они мне написали 58–2–11, а суд сделал 58–12, а 12 – это не донесение. Судей было три, секретарь – женщина, никаких

адвокатов. Пушкин выступал, но я его уже не помню. Его и Тотыжева наверное здорово лупили, головами трясли оба. Но меня не лупили. Дали мне 5 лет, братьям тоже по 5, только старшему 10, отцу 3 и жене брата 3. Когда кассация через год пришла, мне 2 года сняли и брату моему сняли.

Я приехал на Колыму с братом вместе, там я был на обслуживании дороги. Брат заболел, он кузнец, наверное, простудился. Я его отправил домой, он приехал дома был. Альфонс тоже не ездил туда, а Наполеон и Франц ездили, я и Иван. Я уезжал последним, а Наполеон где-то там погиб. Туда поехали Апитенковых два брата, Малеи, нас четверо, Гуров, ещё кто-то. Нас посадили в вагон, привезли в Тайгу, дней 6 по станции возили. Человек 30 было в вагоне, вагоны были деревянными с двухъярусными нарами. На Колыме я сначала работал с лопатой, потом поставили на лошадь, воду подвозить, дровишки. Это был лагерь управления шоссейных дорог, расположенный на 103 км, а потом он до Атки, Атка 108 км. Я был на 185 км, на 202, потом на 174 км. Я был расконвоирован, лагерь тоже. Может быть, потому что статья была не опасная. У нас был один барак и кухня, там нас помещалось 20 человек. Я должен сказать, что в 37 году, до половины, наверное, кормили хорошо, работали хорошо, освободиться же каждый хочет. Давали зачёты, сидел квартал, плюс ещё квартал. К концу 37 года зачёты долой, только календарный. Когда мы приехали, там был Бердзин, это друг Ленина, а потом его забрали, он, по-моему, был расстрелян. Потом Павлов, здоровый такой ходил, расстреливал людей. Потом по лагерям начальник какой-то, Гаранин, я их не видел. 1937, 38 и 39 годы – Павлова убрали. Народный комиссар был тогда Бердня. Народ свободу почуял: одевать стали лучше и кормить.

Мой срок закончился в октябре 1939 г., а мне надо было в апреле, я 6 месяцев пересидел. Вывоза в октябре не было, пароходы уже не ходили. Я пошёл на шофёра, начал ремонтировать машины, стал работать шофёром. Тут война. Думаю, поработаю, теперь заработать можно было, высчитывали много: займ, налог. Потом я зарабатывал по 1,5 тыс. А тут война, нас совсем прикрыли. Мы не могли выехать, нам запретили. А выбирали там самых отъявленных бандитов, набирали в какую-то военную часть. Брали статьи 59–3, а 58 статью не брали.

В 1947г. я приехал в кирзовых сапогах и х/б костюме, а работая, заработал облигациями 10 тыс., а в отпуск там никуда не поедешь, давали чеки. Я приехал со всем этим, пошёл на почту, мне дали опять облигации. Потом раз опять реформа, 3 тыс. не трогали, а остальные порезали. Потом женился, жена в кинопрокате работала, а я шофёром.

Отец я не знаю где находился, брата Франца я по слухам находил. Брата Наполеона нашёл, он в Магадане был, сапоги ремонтировал. Мне предложили 101 км от Томска, кроме Москвы и Ленинграда в 270 городах не имели права жить. В суд подал, написал заявление. Суд снял с меня всё, выдал мне паспорт и пожалуйста, устраивайся на работу. 101 км. это где-то за Асино или за Шегаркой. Францу давали 5 лет. Потом ещё добавили 5.

В лагерях погибли Парфёнов, Малей, Ангудович, Апитенов, а вернулись Литвин, Гуров, мы с Францом вернулись, но мы не знаем может быть их другим этапом увозили, мы с ними больше не виделись. Колыма это целое государство, я там почти до Индигирки доезжал, часто через Колымский мост проезжал.

На следствии не упоминали о польской национальности, но на суде это чувствовалось. С Польшей дружбы не было, была партия – какие-то герои, которые хотели свергнуть власть. В обвинении было, что я участвовал в ней. Стены в камере были пустыми, надписей не было. Двоюродный брат в этой камере был, мы через уборную перестукивались. В коридоре сидел дежурный, у него был столик, он был вооружённый, камеры открывал. Кабинет следователя: стол стоял, на стол наган клал, был портрет Сталина и других, Ленина не было. Сидели на стул, был сейф, были шторы на окнах, лампа была на столе, а может быть, и не было. Кормили 2 раз: перед обедом давали

перловую уху из солёной рыбы, а утром рыбку давали горбушу или кету, а потом перловую кашу.

В камере было 6 человек, спали на голых досках, и в тюрьме были голые доски. В тюрьме, когда нас осудили так всех в одну камеру и посадили, на общих нарах спали.

Младший брат сейчас в Красноярске живёт, окончил бухгалтерские курсы. Воевал во время войны, его не осудили, так как он ещё маленький был. Когда нас забрали, мы только с Альфонсом жили в Томске, остальные проходившие по делу, жили в деревне. Отец умер в 1955г, а мать в 1949г.

Многие говорили хорошо, что в колхоз не попадём, в лагере, считали некоторые было лучше. Когда мы ехали на Колыму к нам в вагон урок садили. Приехали во Владивосток, уже холода были, фанерные бараки. Пришли трое и начали лазить по нарам, а нары двойные, мы с братьями кучками жили. Очки, шмотки забирали, мы одного схватили и дали ему. На следующий день нас собрали, привели в тёплый барак и выводили на работу. Потом повезли в Магадан, сводили нас в баню, дали телогрейки, штаны ватные, шапки. Было много грузин, армян, сядут, шмотки свои в кучу положат и покуривают, злые люди, лупили до полусмерти этих урок. А крестьян обижали урки, пайки отбирали. Были и профессора, один – Косыгин Алексей Иванович, старенький, он Сахалин изучал. Он ни к чему не пригоден был, обуться, одеться не мог, а других работ не давали. Инженеры были, Перровский, Бубенский, артисты – Козин, врачи. Нам помогла выжить работа, если работать не будешь – по 3-й категории – суп и хлеба 600гр. А мы зарабатывали уже 5 блюд: суп, каша, рыба, компот или кисель, хлеба 700-800 гр.

Когда приехали там травки никакой не было. Жили иной раз лучше, чем в Томске, а уже в 38г., 10 часов работали, а летом 12 часов. Помогали друг другу.

Реабилитировали меня в 1989 году.

Записал В. Ханевич